

Сто лет старообрядчества

ИГОРЬ ГУЛИН О «ЖИТИИ ДАНИЛЫ ТЕРЕНТЬЕВИЧА ЗАЙЦЕВА»

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «АЛЬПИНА НОН-ФИКШН»
ВЫШЛА АВТОБИОГРАФИЯ ЖИВУЩЕГО
В АРГЕНТИНЕ СТАРООБРЯДЦА ДАНИЛЫ
ЗАЙЦЕВА — ВОЗМОЖНО, ОДИН ИЗ САМЫХ
СТРАННЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ
ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

СТОИТ для начала оговориться насчет языка. «Житие Даниила Терентьевича Зайцева» (это авторское название) написано на очень необычном наречии. В своей основе это — устный язык XVII века, язык протопопа Аввакума, два с лишним столетия втайне развивавшийся параллельно с привычным нам русским, сросшийся с сибирскими диалектами. При жизни Зайцева он оброс изрядным количеством испанизмов и подвергся легкому влиянию современного литературного языка, почерпнутого из случайных книг, попадавших в Южную Америку. Этим языком написано 800 страниц — неостановимый поток нарратива, до абсурда детализированного, охватывающего почти сто лет (Данила начинает с дедов). В издании, подготовленном диалектологом Ольгой Ровновой, текст Зайцева подвергнут литературной обработке, но совсем незначительной. Чтение это довольно утомительное, но при этом завораживающее. Зайцев родился в провинции Синьцзян в 1959 году. Он из той среды алтайских старообрядцев, что после революции перешли границу и оказались в Китае. Затем во второй половине века при посредстве Красного Креста они побежали еще дальше, уже от китайского коммунизма. В 60-х многие староверы осели в Южной Америке. То есть не осели, наоборот —

принялись кочевать по новому континенту, пытаясь безбедственно устроиться и сохранить благочестие. У некоторых это получилось, но Данила Зайцев и его ближайшее окружение — не из таких. Его книга — история бесконечных скитаний по Аргентине, Боливии, Уругваю, Парагваю, Бразилии, Чили, с небольшим заездом в США. В попытках найти землю, заняться рыболовством, основать ткаческую школу. Попытках, раз за разом проваливающихся — оборачивающихся предательствами местных чиновников, новых коллег, старых друзей и родных или просто каким-то необъяснимым несчастьем. В 2008 году Зайцев одним из первых латиноамериканских старообрядцев решает поехать на родину по недавно запущенной программе репатриации соотечественников. На некоторое время действие перемещается в Россию, но по сути ничего от этого не меняется. Она оказывается еще менее приспособлена для свободной и праведной жизни, чем чужие латинские страны. Парадоксальность «Жития Даниила Зайцева», впрочем, не в сюжете. Самое интересное здесь — то, как буксуют, сталкиваясь с ним, наши читательские навыки. Что это: вполне современная публицистика с обличением коррупции и других общественных пороков? Почти что средневековое повествование о соблазнах мира и поисках спасения? Не

менее архаично выглядящая автобиография Нового времени, когда язык, предназначенный для духовного, впервые неловко используется для частных целей? «Миноритарная литература», написанная для чтения не своими, но чужими, людьми большого мира? (В конце концов, наводят Зайцева на мысль о письме именно ученые, сначала — уругвайские антропологи, потом — московские друзья.) Какой-то незаконный извод латиноамериканского магического реализма? Вряд ли Данила почитывал в свободное время Маркеса или Хуана Рульфо, но вот: соблазнительная жена наставника общины оказывается ведьмой. К нескладному младшему сыну приходит Георгий Победоносец — и тот превращается в местного пророка, уводит семью спасаться в «жунглю», но не выдерживает соблазна гордыни и спасение превращается в катастрофу. Такого рода истории то и дело возникают посреди повествования о рыбаках, тракторах, возне с документами. Но прежде всего, когда читаешь «Житие» Зайцева, видишь в нем не истории, а Историю. Бесконечные сватовства и бегства, обретения богатства и впадения в нищету, эпические проклятия и пронзительные прощения, затворничество и греховные смешения с местными, молитва, переплетающаяся с политикой. Кажется, будто речь идет не о десятке семей, а о целом народе, кочующем по континентам в поисках ускользающего обетования. И если у эклектичного текста Зайцева и есть главный литературный образец, это, конечно, Ветхий Завет. В XX веке переписать его тем или иным образом, сделать общую архаическую историю частной пытались многие. Но у не обладающего литературными амбициями старообрядца Даниила Зайцева это невольное получилось если не убедительнее, то удивительнее, чем у кого-либо.

Данила Зайцев. Повесть и житие Даниила Терентьевича Зайцева. М.: Альпина нон-фикшн, 2015